

ДУХОВЕНСТВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773–1775 ГОДОВ

М. А. Дингес

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 23 января 2024 г.

Аннотация: в июле–августе 1774 г. по территории Среднего Поволжья прокатилась волна Пугачевского восстания. Предметом данной статьи является отражение этих событий на жизни Нижегородской епархии. Изученные материалы показывают, что случаи встреч пугачевцев представителями духовенства обусловлены угрозой насилия со стороны повстанцев. Автор приходит к выводу об отсутствии в среде духовенства Нижегородской епархии сколько-нибудь распространенного сочувствия восстанию. Во многом это связано с формированием замкнутого духовного сословия, которое отделяло себя от крестьянского населения. Исследование опирается на документы Центрального архива Нижегородской области.

Ключевые слова: Нижегородская епархия, Крестьянская война 1773–1775 гг., епископ Антоний (Зыбелин).

Abstract: in July–August 1774 a wave of Pugachev's revolt swept across the Middle Volga region. The subject of this article is the reflection of these events on the life of the Nizhny Novgorod eparchy. The author concludes that there was no widespread sympathy for the revolt among the clergy of the Nizhny Novgorod eparchy. The studied materials show that the cases of Pugachev's meetings with representatives of the clergy were caused by the threat of violence from the rebels. This is largely due to the formation of a closed clergy estate, which separated itself from the peasant population. The study is based on the documents of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region.

Key words: Nizhny Novgorod eparchy, Peasant War of 1773–1775, Bishop Anthony (Zybelin).

23 декабря 1773 г. в Нижегородской духовной консистории была получена промемория от губернатора А. А. Ступишина, в которой сообщалось о начавшемся в Оренбургской губернии восстании «варвара и злодея» Е. И. Пугачева. Перед духовной властью губернатором ставилась задача в кратчайшие сроки оповестить население и предостеречь его от поддержки самозванца [1, л. 272]. Для чтения по церквям в воскресные и праздничные дни в консисторию прислали печатные экземпляры сообщения. В начале января 1774 г. они были разосланы по духовным правлениям [2, л. 1–38].

Прохождение отряда Е. И. Пугачева по территории Нижегородской епархии было кратковременным – с 20 по 30 июля 1774 г. 20 июля он вошел в Курмыш, 23 июля – в Алатырь, 27 июля – в Саранск. Во всех случаях за день до въезда основного войска Е. И. Пугачева в город прибывал небольшой отряд, который зачитывал на площади манифест самозванца, а также угрозами требовал от духовенства устроить ему торжественную встречу.

Так, утром 20 июля оставшиеся в Курмыше горожане и духовенство устроили Е. И. Пугачеву торжественную встречу на берегу р. Суры [3, с. 218; 4,

л. 1–3 об.; 5, л. 123–124]. При этом иерей Рождественской церкви Димитрий Васильев принял от поставленного Е. И. Пугачевым в Курмыше полковника Яковлева 150 руб. [4, л. 4–4 об.], хотя позже и возвратил их капитану Алексееву [3, с. 272].

В рапорте солдат Курмышской инвалидной команды в Военную коллегию сообщается о грабежах церквей казаками. Но судя по ведомости Курмышской воеводской канцелярии, ущерб на деле был минимален: «Убивства и оружейной стрельбы в церквях не происходило и церковной утвари грабежа не было» [там же, с. 352].

Непосредственно пугачевскими властями в Курмышском уезде были убиты восемь представителей духовенства: в Курмыше был повешен приведенный к Е. И. Пугачеву священник с. Хочашево Федор Алексеев, еще семь человек – убитые в с. Выла (Шумше-ваш) члены местного причта [там же, с. 353–354].

В Алатыре во встрече самозванца участвовали монахи Троицкого монастыря во главе с казначеем Феофилом. Архимандрит Иона, хотя и не выступил прямо против пугачевцев, но и не возглавил встречу, скрывшись в доме у солдата Василья Борисова: в случае обнаружения пугачевцами это стоило бы ему жизни. При этом монастырский служитель Степан Лаврентьев, который и до этого конфликтовал с архимандритом, искал его «яко злодея» для выдачи

пугачевцам. О положении духовенства ярко говорит тот факт, что даже для увольнения служителя архимандриту необходимо было писать прошение в Коллегию экономики [3, с. 257].

Сохранилось доношение из Маколовского духовного правления иерея Николаевской церкви Карпа Терентьева от 30 июля 1774 г.: он сообщал, что армия Пугачева 26 июля прошла по направлению к Саранску по Большой Казанской дороге, «с разсыпанными по разным дорогам разбойническими толпами» [1, л. 1–1 об.]. Здание Маколовского духовного правления было разграблено, печать похищена. Автор доношения опасался, что ее могут использовать в своих целях бунтовщики. Сведений о случаях, когда представители клира присоединялись к пугачевцам, у него не было. Само доношение было подано в консисторию только 18 сентября 1774 г. [там же].

В Саранске встречу Е. И. Пугачева организовал архимандрит Петровского монастыря Александр. На следствии он показал, что учинил встречу самозванцу под угрозой насилия: «...приказали мне и прочим того города священно- и церковнослужителям того злодея и бунтовщика со святыми иконами и с звоном, а гражданам с хлебом и солью встретить, угрожая, есть ли того не учиним, смертною казнию и пожаром» [6, с. 197–198]. Именно этот случай навел в глазах правительства тень на лояльность духовенства. Граф К. Меллин 2 августа 1774 г. рапортовал князю Ф. Ф. Щербатову о случаях поминоения духовенством в молитвах имени «Петра Федоровича», приводя в пример архимандрита Александра [7, с. 182].

Тем не менее известны случаи, когда представители клира активно участвовали в борьбе с восставшими. Так, иерей Ядринского Троицкого собора Михайло Васильев во время нападения на город отряда пугачевцев принял активное участие в организации из горожан вооруженного отряда, ободрял своими проповедями оборонявшихся, благословлял их на поле брани. Сын его Николай, дьячок Курмышской Троицкой церкви, лично участвовал в сражении [3, с. 228].

Позднее Николай Михайлов был несправедливо обвинен в участии во встрече Е. И. Пугачева в Курмыше, был отправлен в консисторию, где содержался под арестом. К счастью, после прошения отца [4, л. 14] справедливость была восстановлена: в клировой ведомости за 1775 г. он значится в числе причта Троицкой церкви [5, л. 123 об.]. Сам Михайло Васильев удостоился благодарности преосвященного Антония: за усердие и самоотверженность он получил сан протоиерея и право на первенство в священнослужении перед другими священниками Ядрина и уезда [8, л. 5].

Власть пугачевцев в Курмыше, Алатыре и Саранске продержалась недолго – уже через несколько дней

города были освобождены правительственными войсками. Но по окрестностям разошлись многочисленные мелкие повстанческие отряды, которые поднимали на восстание крестьян. В сельской местности также были случаи встреч членами причта пугачевцев, хотя сведений о непосредственном участии их в восстании крайне мало. Так, священник села Старинское был обвинен в участии в мирском сходе, на котором якобы крестьяне сговорились сообщить пугачевским властям о местонахождении их помещика Н. Н. Приклонского [4, л. 24–24 об.]. Но в Курмышскую воеводскую канцелярию, где иерей находился под следствием, пришло обращение самого помещика, по которому оказалось, что и священник, и крестьяне были оклеветаны крестьянином Ивана Мелентьева: помещик отправил его на разведку в Курмыш, а он явился к Е. И. Пугачеву, выдав тому, куда отправился его господин. Будучи под следствием по этому делу, Иван Мелентьев решил оклеветать своих односельчан и приходского священника. На деле оказалось, что «злодеев» в селе не было, от мира к самозванцу никого не посылали, а священника никогда не приглашали на сельский сход [там же, л. 25–26].

Исключением можно назвать случай священника с. Федотова Арзамасского уезда Алексея Иванова. 12 марта 1775 г. помещица этого села Настасья Кошкарлова написала жалобу главнокомандующему П. И. Панину: в период восстания крестьяне с. Федотова ее схватили и хотели отвезти к Е. И. Пугачеву. Спасли проезжавшие через село арзамасские помещики. При этом зачинщиком бунта был приходской священник Алексей Иванов, на которого в допросах в Арзамасской воеводской провинциальной канцелярии показали и сами крестьяне. Но благодаря даче взятки и заступничеству игумена Арзамасского Спасского монастыря, священника выпустили и он вернулся в родное село, отчего помещица опасалась возвращаться домой, «дабы он с оставшими от тех злодеев, наших крестьян, родственниками вкорененной в себя злобы в конец над нами не произвел и меня, имянованную, з детьми моими не погубил». Жалоба нижегородскому губернатору не помогла, и помещице пришлось писать самому главнокомандующему. При этом это не первый раз, когда священник Алексей Иванов возглавлял крестьян против их владельцев. В 1767 г. он возмущал крестьян против покойного мужа Настасьи Кошкарловой, которого они держали под караулом и намеревались убить: его спасло только вмешательство соседних помещиков [9, с. 192–193]. Случай тем более примечательный, что обычно конфликты дворян с приходским духовенством заканчивались в пользу первых [10, с. 130–131].

В октябре 1774 г. участники встреч Е. И. Пугачева были отправлены в Нижегородскую духовную

консисторию, где были лишены сана священства и монашеского звания, после чего их направляли для политического следствия в Нижегородскую губернскую канцелярию. Епископ Антоний имел право лишать священства и тех священников, которые принадлежали другой епархии (в основном из Арзамасского уезда, относящегося к Владимирской епархии). Связано это было с удобством для следствия: сподручнее было лишить их священства в Нижнем Новгороде, чтобы затем, уже как светских лиц, направлять на допросы в Нижегородскую губернскую канцелярию [8, л. 13].

Принимались меры для замещения освобожденных мест церковного причта. 7 августа 1774 г. из консистории был направлен указ в духовные правления о присылке ведомостей о праздных местах церковных причтов, а также о праздных священно- и церковнослужителях [11, л. 1]. Чаще всего направлялись семинаристы, иногда рукополагались церковнослужители. Епископ Антоний направил промемории в Рязанскую, Владимирскую, Тамбовскую, Воронежскую, Вятскую епархии с просьбой прислать учащихся из семинарии для посвящения во священники и дьяконы «за недостатком в епархии моей ученых людей» [8, л. 11–12].

В монастыри, чье руководство участвовало во встрече Е. И. Пугачева, были направлены монашествующие из других монастырей. На место казначея Алатырского Троицкого монастыря Феофила был назначен иеромонах Нижегородского Печерского монастыря Гедеон [там же, л. 3–3 об.], из Желтоводского Макарьевского монастыря для священнослужения был направлен иеромонах Мельхиседек [там же, л. 14]. В Саранский Петровский монастырь были направлены из Макарьевского монастыря иеродьяконы Сергей и Дионисий, иеромонах Савватий [там же].

В это же время была организована помощь семьям убитых священников пропитанием. Чтобы дать их детям возможность содержать семью, лишившуюся кормильца, те из них, кто уже были обучены грамоте, посвящались в соответствии с возрастом в церковники или священники [там же, л. 4].

Е. И. Пугачев понимал, что привлечение на свою сторону духовенства очень важно для легитимации своей власти в глазах населения. Но в целом оно сохранило лояльность правительству: даже когда священники участвовали в торжественных встречах самозванца или его отрядов, то делали это из страха

либо под прямой угрозой насилия. По сохранившимся материалам ЦАНО можно сказать, что духовенство Нижегородской епархии вовсе не было охвачено стихией восстания. Сведений о выходцах из клира, ставших убежденными сторонниками Е. И. Пугачева, на местном материале не имеется. При этом были случаи, когда священники с риском для жизни выступали против пугачевцев, увещевая свою паству сохранять верность законным властям.

Во многом это связано с формированием в XVIII в. духовного сословия, которое осознавало себя обособленным от крестьянского мира сообществом. Во многом это было связано с созданием системы духовного образования, закрытой для светских лиц. Усилия нижегородских архиереев по развитию семинарии и сети духовных школ не прошли даром: через полвека нижегородское духовенство, в целом, выдержало тяжелое испытание пугачевщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). – Ф. 570. – Оп. 555. – 1773 г. – Д. 3.
2. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – 1774 г. – Д. 14.
3. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии : сборник документов : в 3 т. / сост. П. Г. Григорьев, В. А. Нестеров ; ред. В. А. Нестеров. – Чебоксары : Научно-исследовательский институт при Совете министров Чувашской АССР, 1972. – 528 с.
4. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – 1774 г. – Д. 25.
5. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – 1775 г. – Д. 100.
6. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Том III. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1970. – 487 с.
7. Пугачевщина : в 3 т. Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки / подг. к печати С. А. Голубцовым. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1929. – 495 с.
8. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – 1774 г. – Д. 41.
9. Пугачевщина : в 3 т. Т. 3. Из архива Пугачева / подг. к печати С. А. Голубцовым. – М. ; Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – 527 с.
10. Закржевский А. Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Закржевский. – СПб., 2000. – 186 с.
11. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – 1774 г. – Д. 278.

Институт российской истории Российской академии наук
Дингес М. А., аспирант
E-mail: dingesm@mail.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Dinges M. A., Post-graduate Student
E-mail: dingesm@mail.ru